

Обоз снова замер. Чжун Цзи в крайнем беспокойстве приподняла полог повозки и, стоя на подножке, устремила взор вперёд.

- Что теперь случилось? - спросила Чжун Цзи.

Кучер ответил:

- Похоже, впереди опять что-то наглухо перегородило путь.

- Госпожа... - слабый голос Сяохуа донёлся из глубины повозки. Чжун Цзи вернулась внутрь, опустила занавесь и коснулась её головы, лоб по-прежнему так и пылал жаром.

Зашивание ран прошло на редкость успешно, и кровь удалось остановить, а сами порезы постепенно затягивались. Вот только яд Проклятой Горлицы всё так же мятежно бурлил в жилах Сяохуа. Чжун Цзи изначально намеревалась во время операции полностью слить отравленную кровь и заменить её новой, чтобы в корне истребить источник заразы. Однако теперь стало очевидно, что этот яд оказался куда более въедливым и изменчивым, чем можно было представить.

Переливание крови смертельно опасное дело. При малейшей неосторожности человек, не успев очиститься от яда, мог попросту расстаться с жизнью из-за отторжения чужой крови. Благо, сама Сяохуа обладала могучим телосложением и до поры до времени справлялась с недугом. Но со вчерашней ночи у неё не утихал сильнейший жар, и положение становилось всё более угрожающим. Чжун Цзи без конца вымачивала платок в ледяной горной воде и прикладывала к её телу, чтобы хоть немного сбить температуру, а также заставила проглотить несколько целебных пилюль. Она провозилась с ней всю ночь напролёт, но никакого облегчения так и не наступило.

Сейчас Чжун Цзи всей душой жаждала как можно скорее достичь Жунина. Только в столице можно было скупить любые необходимые ей целебные травы, да и подходящих лекарственных инструментов там было в достатке. Какими бы полными ни были её дорожные запасы снадобий и материалов, всему рано или поздно приходил конец, и теперь Чжун Цзи по-настоящему оказалась в безвыходном тупике.

До Жунина, казалось, было уже рукой подать, но караван делал один шаг и трижды замирал на месте, отчего у Чжун Цзи на сердце было невыносимо тошно.

- Хватит уже пекся о своей госпоже, - она легонько щёлкнула Сяохуа по лбу. - Лучше подумай о том, сколько тебе самой жить осталось, дурёха.

- Что там... впереди стряслось? - Сяохуа умудрялась на каждом слове трижды перевести дух, её глаза из-за бушевавшего жара так и горели огнём, и она попросту не могла их открыть.

- Дорогу опять завалило, - Чжун Цзи пристально посмотрела на неё. - Силы говорить у тебя, как я погляжу, есть. С чего же ты в прошлый раз замолчала на полуслове?

Сяохуа внезапно сильно закашлялась, как будто собиралась умереть в любой момент.

- В чём твоя проблема? Крепость у тебя находится, только когда речь заходит о твоей госпоже? Ладно, помалкивай и береги последнее дыхание. Не ровен час, помрёшь ещё до того, как мы до Жунина доберёмся.

Взор Сяохуа окончательно потускнел, и болезнь полностью завладела её телом. Чжун Цзи проверила её пульс и положение оказалось смертельно опасным.

- Даже если ты не желаешь ворошить былые дела Бэйлоу, тебе стоит сберечь эту жизнь ради своей госпожи. Тракт Ваньсян не смог погубить её, но истинная битва не на жизнь, а на смерть начнётся лишь тогда, когда мы вернёмся в Жунин.

- Похоже, кто-то не хочет, чтобы мы вернулись в Жунин.

Судя по словам Вэй Тинсуй, она уже давно всё взвесила в уме и прекрасно знала, кто именно втайне строит им козни.

- Цзычжо имеет в виду...

Вэй Тинсуй без утайки рассказала ей о том, как Ли Яньи намеревается реформировать систему государственных смотров-выборов.

- Возобновление Тракта Ваньсян на первый взгляд кажется грандиозным делом во благо всей Великой Юй, однако оно нанесло сокрушительный удар по интересам многих знатных семей. Ныне при дворе Великой Юй желающих извести нас под корень - пруд пруди. Тот тигр был лишь приманкой, а это ущелье Цзяньфэн, боюсь, стало тем самым местом, которое злые языки облюбовали для нашей гибели.

Поначалу Чжэнь Вэньцзюнь полагала, будто это А-Сюнь вновь явилась за её головой, чтобы отомстить за крах семьи Се. Но выслушав Вэй Тинсуй, она осознала, насколько узкими были её собственные суждения. По сравнению со всемогущими знатными семьями всей Великой Юй, угроза от одной лишь А-Сюнь не стоила и выеденного яйца.

- В ущелье Цзяньфэн нам соваться нельзя, - отчеканила Вэй Тинсуй. - Поворачиваем назад, будем растаскивать то поваленное дерево.

Чжэнь Вэньцзюнь согласно кивнула. Теперь становилось очевидным, что и то внезапно преградившее путь бревно было лишь уловкой, чтобы силой направить их обоз под своды ущелья Цзяньфэн.

Однако.

Разворачивая коня, Чжэнь Вэньцзюнь внезапно задумалась: ловушка в ущелье Цзяньфэн была слишком явной. Даже человек без малейшего военного опыта ни за что бы не сунулся в столь очевидную теснину. И те, кто замышлял их погибель, вряд ли стали бы послушно сидеть на вершинах утёсов, уповая лишь на то, что обоз безропотно шагнёт в этот глупый и легко узнаваемый капкан.

У них непременно должен был быть запасной ход.

Сяосюэ пару раз ударил копытами о землю, а мысли Чжэнь Вэньцзюнь успели сделать три стремительных круга, как вдруг её осенило, и она истошно закричала:

– Дело дрянь!

Но не успела она развернуться, чтобы подать знак отряду, как из глубин ущелья донёсся оглушительный, сотрясающий землю боевой клич, подобный натиску огромной армии и топоту тысяч скакунов!

Целая группа конных разбойников вихрем хлынула из глубин теснины. Мрачная, чёрная туча всадников в один миг до отказа заполнила всё ущелье, напоминая огромную змею, вырвавшуюся из своего логова! Не на шутку перепуганные этим зрелищем бойцы их скромного отряда, насчитывавшего меньше двухсот человек, тут же бросились отступать назад к подвесному мосту!

– Держать строй, без паники!

Чжэнь Вэньцзюнь стрелой понеслась в самый хвост отступающего обоза, силой сдерживая готовую смешаться в безумную давку ораву коней, не позволяя им в панике приближаться к шаткому мосту.

Благодаря тому, что она взяла командование на себя, повозки и кони заметно успокоились. Спешно прибыл гвардейский отряд Мэн Даханя, чтобы разузнать, что произошло. В этот момент Чжэнь Вэньцзюнь услышала, что в самом авангарде обоза уже вовсю гремят боевые кличи и раздаётся звон сталкивающегося оружия. Она приказала гвардейцам Мэн Даханя занять оборону перед подвесным мостом и не позволять ни одной повозке или коню из их отряда ступить на него. Сразу после этого Чжэнь Вэньцзюнь обнажила меч и ринулась вперёд, в самую гущу схватки, чтобы прикрыть отступление повозки Вэй Тинсюй и Сяохуа в безопасный тыл, а затем сошлась в яростном бою с разбойниками.

Те наступали с грозным видом, однако их численность не превышала и тысячи человек. Чжэнь Вэньцзюнь и Цзо Куньда, восседая на боевых конях, прорубали себе путь, разя врагов направо и налево, и очень скоро прикончили главаря нападавших. Уцелевшие бандиты, вопреки ожиданиям, не бросились бежать. Они уклонялись от боя с этой двойкой воителей и, судя по всему, упорно высматривали кого-то среди обоза.

Эти люди искали Вэй Тинсюй, их единственной целью была Вэй Тинсюй!

Всё шло точь-в-точь так, как и предполагала Чжэнь Вэньцзюнь. Ущелье Цзяньфэн было лишь соломой, которой прикрыли волчью яму. Если бы добыча послушно дала себя обмануть и рухнула в эту яму, врагам было бы куда проще, но раз уж они не попались на удочку, у охотников имелся запасной план.

Переправляясь через подвесной мост, Чжэнь Вэньцзюнь заметила, что он чересчур узок и ходит ходуном от малейшего шага. Направив людей проверить его прочность, она велела повозкам въезжать на мост строго по одной и без спешки, чтобы настил не рухнул под непосильной тяжестью. Сорвись они в эту бездну, и от людей с повозками не осталось бы даже костей.

Благополучно перебравшись на ту сторону, они сразу наткнулись на вход в ущелье Цзяньфэн. Если бы они двинулись внутрь, их, скорее всего, насмерть завалило бы градом летящих с вершин валунов. Раз уж они разгадали этот замысел и не пошли в теснину, самым разумным решением было медленно осадить повозки назад и поочерёдно отступить обратно за мост.

Однако эти «разбойники» вовсе не собирались отпускать их живыми.

Не успев даже явить свои лица, они принялись истошно кричать и шуметь в глубинах теснины лишь ради того, чтобы особое устройство ущелья многократно усилило и разнесло их эхо, заставив защитников поверить, будто врагов бесчисленное множество. Поддавшись страху перед превосходящими силами, люди в панике бросились бы бежать, и тогда вся орава коней и телег разом ринулась бы на подвесной мост, отчего тот неминуемо оборвался бы.

Злоумышленники сплели тройную ловушку: летящие камни в ущелье Цзяньфэн, рухнувший из-за переполоха мост и, наконец, карающие клинки для тех, кто попросту не успеет шагнуть на настил.

Эти нападавшие наступали и отходили со слаженностью, выдававшей в них частное войско. Они ни капель не походили на обычное сборище степных разбойников, а были похожи на личную гвардию какого-нибудь могущественного знатного рода. Эти цепные псы знати вознамерились перебить их отряд именно за пределами границ Великой Юй. Сгинь путешественники на дне этого ущелья, и перед Её Величеством будет легко отчитаться. Что каменный обвал, что оборвавшийся мост - всё это выглядело бы как обычное стихийное бедствие. И даже если бы Императрица пожелала докопаться до истины, ей пришлось бы довольствоваться версией о капризах природы, ведь искать виновных было бы негде.

До конца распутав этот клубок, Чжэнь Вэньцзюнь не удержалась от ледяной усмешки: враги действительно подготовились на славу.

Целая толпа нападавших окружила повозку Вэй Тинсуй, силой пытаясь выволочь её наружу, но Чжэнь Вэньцзюнь прорубила кровавую линию сквозь кольцо окружения и одного за другим перебила всех, кто тянул руки к экипажу.

– Кто ещё хочет отведать моего клинка?! – оглушительный, яростный голос Чжэнь Вэньцзюнь заставил разбойников содрогнуться всем телом, и лезть на рожон больше никто не посмел.

Вэй Тинсуй выглянула из окна повозки, прекрасно понимая, что это сборище не идёт ни в какое сравнение с силой Чжэнь Вэньцзюнь.

Вот только до Жунина им по-прежнему оставалась целая тысяча ли пути. Стоит им сокрушить эту волну убийц, как на смену ей придёт следующая, ещё более коварная.

И пусть в открытом бою у них были все шансы одержать верх, терять своих верных бойцов и нести напрасные потери Вэй Тинсуй совершенно не хотелось.

Уж лучше...

Перед дворцом Цзычэнь в Запретном городе Жунина уже вовсю гремели приготовления к торжественному пиру. Стоило Ли Яньи показаться на площади, как все присутствующие пали ниц, и над павильонами пронеслось громогласное пожелание долгих лет жизни Сыну Неба.

У Ли Яньи на самом деле было по горло неотложных забот, однако отсутствие вестей от возвращающегося отряда Вэй Тинсуй лишало её покоя. К тому же доставляемые чиновниками доклады были написаны столь туманным и витиеватым языком, что истинную суть приходилось выискивать между строк или выуживать из самых дальних закоулков текста. Чем дольше она читала, тем сильнее уставала и раздражалась, а потому в конце концов просто отшвырнула свитки в сторону и решила пройтись перед дворцом Цзычэнь.

В прежние времена при выезде Сына Неба Великой Юй за ним всегда следовала пышная свита из придворных дам и слуг-евнухов, а сам императорский выезд был столь величественным и благородным, что простым смертным не позволялось даже приближаться к нему. Ли Яньи же с юных лет привыкла ходить стремительным, размашистым шагом и терпеть не могла манерничать, изображая из себя изнеженную знатную барышню. Больше всего на свете она презирала пустую трату времени, а потому совершенно не жаловала паланкины, считая, что носильщики слишком слабы и плетутся как черепахи. Если путь был не столь далёким, она всегда предпочитала ходить пешком. За её спиной теперь не было ни изнеженных девиц, ни слащавых евнухов, разговаривающих вкрадчивыми голосами. Её сопровождали лишь увешанные грозным оружием воительницы из отряда Чжуйюэ. Едва она показывалась в любом

уголке Запретного города, как от её фигуры сразу веяло такой леденящей, карающей аурой, что всё вокруг замирало. Никто не осмеливался поднять глаз на женщину-императора, страшась, что за один лишь дерзкий взгляд их предадут лютой казни.

Ли Яньи окинула взглядом убранство праздничных столов. От редких вин и яств до драгоценных кубков - всё было выбрано из её личной, сокровенной казны, где хранились редчайшие сокровища империи. Она во что бы то ни стало вознамерилась отблагодарить Вэй Тинсую за её великий подвиг. Помимо вернувшейся с триумфом героини, на этот пир должны были явиться все высшие сановники двора рангом не ниже четвёртого. И прямо во время празднества Императрица собиралась во всеуслышание зачитать указ о пожаловании Вэй Тинсую титула Болин-хоу.

В тот момент наверняка поднимется целая волна протестов.

Ли Яньи уже сейчас могла во всех красках вообразить изумлённые лица этих стариков, когда они посреди пиршества услышат этот указ. Она даже знала наперёд, кто именно из них вскочит со своего места и бросится открыто возражать.

Но как раз этого она и добивалась.

Ли Яньи неторопливо и спокойно вышла из дворца Цзычэнь.

Всё было полностью готово, оставалось лишь дожидаться возвращения Вэй Тинсую.

Однако не успела Вэй Тинсую вернуться в столицу, а от А-Ле и А-Инь ещё не поступило никаких вестей, как ко двору внезапно доставили тайное донесение с северных границ.

Это секретное письмо прибыло от шпиона, которого она лично туда отправила. Данный лазутчик на севере не занимался обычными военными делами и донесениями, в его обязанности входило лишь тайно следовать за А-Синь и докладывать Ли Яньи обо всём, что касается её жизни. Начиная от бытовых мелочей вроде ежедневной трапезы и заканчивая важнейшими вопросами её здоровья, а также самыми сокровенными личными связями. Ли Яньи велела шпиону записывать абсолютно всё до мельчайших подробностей и отправлять в столицу.

Тот присылал отчёты раз в десять дней, а доставкой писем между Жунином и северной границей занимались шестеро специально отобранных для этого вестников. Каждый раз Ли Яньи получала внушительную стопку свитков из овечьей кожи. Окончив все государственные дела и приняв омовение, она аккуратно поправляла ветку яблони в вазе на своём столе и свиток за свитком перечитывала эти послания. Каждая деталь шаг за шагом укладывалась в её мыслях, позволяя до мельчайших подробностей воссоздать в воображении повседневную жизнь А-Синь, словно та и впрямь находилась с ней рядом.

С момента получения прошлого тайного донесения прошло всего три дня, и то, что Ли Яньи

вновь держала в руках секретное письмо об А-Синь, без всяких слов давало понять, что на севере случилось нечто непредвиденное.

С тех пор как Се Фучэнь был заточён в темницу, а А-Синь отправилась защищать скованные льдом и снегом северные границы, в мгновение ока пролетело уже больше двух лет. Судя по донесениям лазутчика, А-Синь не просто вернула под контроль империи три округа, но и продолжала копить силы, медленно отодвигая линию северной обороны всё дальше наверх. Её великой целью было прорваться в северные вечномерзлые земли и подчистую вырезать варваров племени Чунцзинь.

Такое дело требовало долгого и тонкого расчёта. А-Синь ни в коей мере не была безрассудным воином, обделённым умом. Она непрерывно отслеживала места обитания этого кочевого народа и изучала пути их передвижения, чтобы поймать идеальный миг и уничтожить их одним сокрушительным ударом. Поэтому все эти два с лишним года А-Синь без остатка отдавала себя борьбе с Чунцзинь. Она не сменила даже верхнего платья. Её одежда изнашивалась, и она латала её снова и снова, а одного клубня батата ей вполне хватало на целый день.

Жизнь А-Синь на северной границе была простой и полной суровых лишений. Она изо дня в день несла стражу на пронизывающем ветру и в снегу, оберегая покой Великой Юй, из-за чего у Ли Яньи нестерпимо щемило сердце от жалости к ней.

Всякий раз, разворачивая свитки из овечьей кожи, Императрица видела почти одно и то же. Разве что в её скромных трапезах случались мелкие перемены: когда заканчивался батат, А-Синь приходилось выкапывать из-под снега корни диких трав.

Однако в сегодняшнем донесении на овечьей коже то и дело упоминалось имя одного человека.

А-Вэнь.

В письме говорилось, что эта самая А-Вэнь последние три дня неизменно оставалась ночевать в шатре А-Синь. В первые две ночи огни в шатре горели до самого рассвета, они беседовали обо всём на свете, так и не ложась спать. На третью же ночь, стоило А-Вэнь переступить порог шатра, как масляная лампа внутри сразу погасла, а в течение последующего получаса из шатра то и дело доносились странные вздохи и тяжёлое дыхание.

Лазутчик также добавлял, что несколько дней назад эта молодая барышня по имени А-Вэнь заболела, и А-Синь всю ночь напролёт рыскала по округе лишь ради того, чтобы поймать для неё дикого зайца и сварить целебный бульон для подкрепления сил. Они стали совершенно неразлучны и жили словно муж и жена.

Прочитав донесение до конца, Ли Яньи медленно свернула овечью кожу обратно в свиток, перевязала шнуром и убрала под стол - в тот самый деревянный ларец, где хранились исключительно вещи, связанные с А-Синь.

Этого человека по имени А-Вэнь она знала.

В своё время, когда молодые евнухи принимались распускать сплетни перед ней, они тоже упоминали эту девицу, поговаривая, что та безгранично восхищается А-Синь и следует за ней хвостиком, куда бы воительница ни направилась. На севере стояли лютые холода, и жизнь была полна лишений, но А-Вэнь, вопреки всему, поспешила вслед за ней и туда.

Ли Яньи толкнула дверь своего кабинета и вышла наружу. В Жунине стоял разгар лета, и с неба непрерывной стеной лил проливной дождь.

За пределами Запретного города раскинулись её держава и её империя, однако сама она была вынуждена оставаться здесь, лишённая даже малейшей возможности хотя бы раз в жизни поддаться велению сердца и совершить безрассудный поступок ради любимой.

Струи летнего ливня стекали в глубоких дворах дворца сплошными ровными нитями, сплетаясь в гигантскую прочную клетку, что накрыла её с головой, лишая возможности дышать полной грудью.

<http://bllate.org/book/17227/2296792>